А. А. Исаевъ.

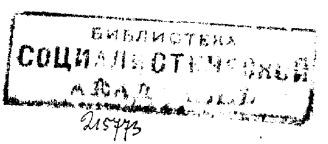
СМУТА
И
ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

1907

С.-Петербургъ.
Книжный Магазинъ А. Ф. Циммерлинга,
бывшій МЕЛЬЕ и К°.
20. Невскій проспектъ. 20.
1906.

Проф 38-

I.

Въ смутѣ, которую мы переживаемъ, аграрнымъ волненіямъ принадлежитъ главное мѣсто. Разгромы помѣщичьихъ имѣній вызываютъ тревогу не только въ тѣхъ, чьи интересы прямо нарушены, но и въ людяхъ, которые неприкосновенны къ владѣнію землей и никогда не имѣли закладныхъ листовъ или акцій земельныхъ банковъ.

Въ чемъ же дѣло? Убытки, причиненные разгромами усадебъ, вовсе не даютъ такихъ крупныхъ цифръ, какъ другія формы современныхъ потрясеній нашей общественной жизни. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 15 ноября 1905 года пострадало около 300 помѣщичьихъ имѣній. Вѣроятно, эта цифра меньше того, что было въ дѣйствительности. Въ одной Курской губерніи было разгромлено до 100 имѣній; въ Саратовской это число, навѣрное, не меньше; то же слѣдуетъ сказать о губерніяхъ Тамбовской, Черниговской, Лифляндской. Предположимъ, что въ совокупности для всей Россіи число помѣщиковъ, которые сильно потерпѣли отъ погромовъ, достигаетъ 500; предположимъ, что убытки, понесенные каждымъ имѣніемъ, составляютъ, въ среднемъ, 20.000 рублей (эта цифра не можетъ быть признана высокою, такъ какъ пострадали, главнымъ образомъ, усадьбы крупныхъ владѣльцевъ). Итого, мы получаемъ общій убытокъ въ 10 милліоновъ рублей. Допустимъ, что ущербъ землевладѣльцевъ отъ похищенія у нихъ хлѣба, скота, корма, порубокъ въ лѣсахъ составляетъ еще 5 милліоновъ рублей.

Что значатъ эти 15 милліоновъ сравнительно съ тѣми убытками, которые понесли русская промышленность и торговля вслѣдствіе забастовки на желѣзныхъ дорогахъ, прекращенія правильной дѣятельности почты и телеграфа, вслѣдствіе потрясенія кредита, частнаго и государственнаго, вслѣдствіе остановки притока капиталовъ изъ-за границы и невозможности удовлетворить потребность въ деньгахъ, которая сказывается осенью особенно остро! Эти потери нужно исчислять, по крайней мѣрѣ, сотнями милліоновъ рублей. И если бы со временемъ, кому либо, интересующемуся теченіемъ русской революціи, сказали, что она нанесла огромный вредъ хозяйству помѣщиковъ, убытки въ 15, 30, даже 50 милліоновъ рублей, то онъ усмѣхнулся бы и замѣтилъ, что не стоитъ говорить о такихъ пустякахъ. Потери помѣщиковъ представятся еще менѣе значительными, если припомнимъ, что въ частномъ владѣніи находятся до 100 милліоновъ десятинъ, цѣною, вмѣстѣ съ лѣсами, не меньше 12 милліардовъ рублей. По сравненію съ этой цифрой убытки въ 15 милліоновъ являются каплею въ морѣ.

Но, повторяю, аграрное движеніе занимаетъ центральное мѣсто въ современной смутѣ. Для этого есть двѣ причины:

Во-первыхъ, движеніе въ деревняхъ отличается гораздо болѣе стихійнымъ характеромъ, нежели волненія въ городѣ. Толпа — всегда толпа. Въ собраніи, гдѣ находится только одна сотня людей, уровень каждаго, какъ бы онъ ни былъ высокъ, неизбѣжно понижается. Все, что каждый изъ этой сотни подумаетъ, напишетъ или скажетъ въ тѣсномъ кружкѣ, будетъ отличаться болѣе высокимъ

тономъ, нежели то, на что онъ согласится, какъ членъ этой сотни. Чѣмъ болѣе толпа велика, чѣмъ ниже уровень развитія ея членовъ, тѣмъ больше разницы между возможными проявленіями индивидуальности каждаго изъ нихъ и словами и дѣйствіями его же, какъ члена этой группы. Когда толпа очень велика, то повиновеніе вождямъ является единственной гарантіей того, что ея поступки будутъ не совсѣмъ безсмысленны. А повиновеніе обезпечено тѣмъ больше, чѣмъ ближе, по уровню развитія, члены толпы подходятъ къ своему вождю. На ученыхъ конгресахъ предсѣдателю не трудно давать направленіе занятіямъ участниковъ, такъ какъ они мало отличаются отъ него по возможности для ума господствовать надъ волей. Въ парламентахъ, въ городскихъ и земскихъ собраніяхъ оказывать вліяніе уже не такъ легко: участники такихъ собраній болѣе отличаются отъ руководителей и рѣзче разнятся между собою въ проявленіяхъ своей духовной жизни. Въ тысячныхъ собраніяхъ, изъ людей разныхъ общественныхъ положеній и состояній, роль руководителя становится особенно трудною: гдѣ собралось очень много людей, несходныхъ по умственному развитію, тамъ огромное большинство вовсе не понимаетъ своего вожака, разъ его совѣты или планы сколько нибудь сложны. Наступаетъ одно изъ двухъ: или многіе участники такого собранія, не понимая вожака, охладѣваютъ къ нему и не слѣдуютъ за нимъ, или вожакъ, движимый властолюбіемъ, старается сохранить толпу за собой. Въ этихъ видахъ онъ отбрасываетъ изъ своихъ совѣтовъ, пожеланій и предложеній все, что недоступно мало развитому уму, все, что требуетъ работы мысли. Вожакъ

отыскиваетъ самую простую формулу, понятную всѣмъ; такая формула способна собрать у развернутаго знамени множество людей. Если призывъ имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствія, которыя, несомнѣнно, могутъ повліять на довольно большую площадь; если къ этому пріобщается предсказаніе, что послѣдствія даннаго дѣйствія будутъ выгодны для участниковъ; если не дѣлается анализа послѣдствій, которыя могутъ наступить для цѣлой страны или очень обширнаго круга, то толпа радостно откликается на призывъ.

Именно въ деревнѣ есть всѣ данныя для того, чтобы движеніе было стихійно, т. е. шло гораздо дальше, нежели первоначальные планы вожаковъ. Почти каждый членъ даже многолюднаго собранія въ городѣ окруженъ атмосферой, нѣсколько повышающей его надъ тѣмъ, что можетъ сдѣлать деревня для своего населенія. Средній горожанинъ, если даже онъ мало грамотенъ, читаетъ газеты и тѣмъ самымъ систематически выходитъ за предѣлы занятій, съ которыми связана его профессія. Горожанинъ не грамотный,—и тотъ почти всегда имѣетъ случай встрѣтить людей болѣе развитыхъ, чѣмъ онъ, и узнать отъ нихъ что либо о теченіи общественной жизни. Рабочіе фабрикъ и заводовъ поставлены въ этомъ отношеніи еще болѣе благопріятно. Многіе изъ нихъ хорошо грамотны, имѣютъ наклонность къ самообразованію и легко получаютъ доступъ къ газетамъ и книгамъ, воспитывающимъ ихъ умъ. Къ этому присоединяется и то преимущество, что непрестанное общеніе съ товарищами позволяетъ болѣе одареннымъ и развитымъ изъ этой среды дѣйствовать на отсталыхъ, менѣе способныхъ, и изо-дня въ

день воспитывать ихъ подъ этимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ, особенности городской жизни поднимаютъ толпу въ городѣ.

Иное дѣло—деревня. Если отбросить тѣ селенія, которыя лежатъ неподалеку отъ городовъ, и тѣ, гдѣ многолѣтняя работа земствъ успѣла создать благоустроенныя школы и читальни, крестьяне малограмотны, а въ большинствѣ — и вовсе не грамотны. Большая часть земскихъ школъ даетъ крестьянамъ гораздо меньше того, что принято разумѣть подъ *начальнымъ образованіемъ*. Каждый годъ изъ школъ выходятъ отдѣльные ученики, хорошо усвоившіе то, чему ихъ учили. Они пріобрѣтаютъ привычку къ чтенію и имѣютъ доступъ къ книгамъ, которыя позволяютъ имъ сдѣлать кое-что для самообразованія. Не такъ поставлено большинство прошедшихъ сельскую школу. Если они оканчиваютъ ее съ недурнымъ знаніемъ грамоты, то утрачиваютъ эти навыки; если они даже имѣютъ охоту къ чтенію и самообразованію, то могутъ удовлетворять ее только урывками. Вся обстановка въ деревнѣ не можетъ такъ воспитывать людей, какъ городъ. Сельское духовенство не имѣетъ благотворнаго вліянія на умственное развитіе населенія. Сельскіе учителя имѣютъ такое вліяніе далеко не всегда. Разнообразныхъ впечатлѣній, однородныхъ съ тѣми, которыя производитъ городъ самой сложностью своей жизни, въ деревнѣ не встрѣчается. Если въ деревню попадаетъ газета, или возвращается изъ города односельчанинъ, то получаются только отрывочныя свѣдѣнія; они являются незамѣтными, вкрапленными пятнышками въ несложное міросозерцаніе крестьянина. Совокупность разныхъ силъ, дѣйствующихъ

изо-дня въ день, образуетъ въ городѣ міровоззрѣніе и мало культурнаго человѣка; эти вліянія постепенно поднимаютъ уровень его умственной жизни. Все же, что изъ этихъ образовательныхъ началъ приходитъ къ крестьянству, является случайнымъ, отрывочнымъ, не измѣняющимъ его взглядовъ, вѣрованій, предразсудковъ.

Вслѣдствіе этихъ причинъ уровень толпы въ деревнѣ гораздо ниже, чѣмъ въ городѣ. Разъ въ деревнѣ вожакъ выступаетъ съ планомъ, сколько нибудь сложнымъ, то вовсе не будетъ понятъ толпой. Его совѣты, требованія, воззванія должны облекаться въ самую простую форму; онъ долженъ выкинуть изъ своихъ доводовъ все, что касается послѣдствій опредѣленнаго поступка для сколько-нибудь обширной площади. Если совѣтъ таковъ, что отъ его исполненія можно, по крайней мѣрѣ въ немногихъ случаяхъ, навѣрняка ожидать результатовъ, выгодныхъ для заинтересованныхъ лицъ, то ему внимаютъ, согласуютъ съ нимъ поступки, хотя бы въ огромномъ большинствѣ случаевъ получились совсѣмъ иныя послѣдствія.

Чѣмъ совѣтъ и призывъ проще, чѣмъ меньше требованія принаровлены къ особенностямъ даннаго времени и мѣста, тѣмъ меньше разбираютъ его люди, которые слѣдуютъ указаніямъ, тѣмъ легче проникаются они желаніемъ исполнить совѣтъ, во что бы ни стало, тѣмъ болѣе вѣроятія, что толпа, внимающая призыву, пойдетъ гораздо дальше, нежели входило въ планы вождя.

Исторія войнъ, вплоть до послѣдняго времени, даетъ намъ для этого примѣры, самые простые, а потому и наиболѣе убѣдительные. Полководецъ, вы-

строивъ войска, двигаетъ ихъ на врага. Онъ одушевляетъ ихъ самыми простыми призывами: «спасти отечество, честь страны, славу войска», — вотъ, во имя чего онъ направляетъ ихъ на убійство. Врагъ дрогнулъ, бѣжитъ; отечеству не грозитъ опасность; честь знамени спасена; но солдаты, обезумѣвшіе отъ рѣзни, убиваютъ тысячи людей, которые ищутъ спасенія въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Конечно, въ планы военачальника вовсе не входитъ избіеніе тѣхъ, кто не сопротивляется; но толпа,—войско—одушевленная простымъ и понятнымъ лозунгомъ, стала на извѣстный путь и автоматически пошла по немъ гораздо дальше, нежели было намѣчено, нежели было нужно для достиженія цѣли.

Чѣмъ толпа ниже, тѣмъ больше она походитъ на войско, слѣпо повинующееся своему вождю и идущее гораздо дальше, нежели было нужно для точнаго исполненія приказа. Такой стихійный характеръ толпы въ деревнѣ,—вотъ первое, что дѣлаетъ аграрное движеніе особенно страшнымъ.

Есть и вторая причина. При оживленной борьбѣ общественныхъ классовъ, люди, работающіе въ промышленности, рудникахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, относятся непріязненно или даже враждебно къ владѣльцамъ фабрикъ, заводовъ, горныхъ промысловъ, желѣзныхъ дорогъ. Мы знаемъ множество примѣровъ, когда въ разгаръ забастовки рабочіе портятъ машины, громятъ зданія фабрикъ. Въ минуты крайняго возбужденія они забываютъ, какъ важно не только для хозяевъ, но и для нихъ, чтобы промышленное заведеніе сохранилось въ полномъ порядкѣ. Но стоитъ пройдти высшему раздраженію, и они могутъ сообразить, что порча рудниковъ, машинъ и

разрушеніе зданій рѣзко противорѣчатъ ихъ интересамъ. Они легко могутъ сознать, что если приведена въ полную негодность фабрика, гдѣ работаетъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, то изсякаетъ источникъ ихъ заработка, и можетъ понадобиться длинный рядъ мѣсяцевъ, для приведенія испорченныхъ зданій и машинъ въ полную исправность. Такимъ образомъ, самый характеръ орудій производства удерживаетъ рабочихъ промышленности, горнаго дѣла, желѣзныхъ дорогъ отъ разрушенія капиталовъ, съ помощью которыхъ они прилагаютъ свой трудъ.

Не то—въ деревнѣ. Крестьяне въ своемъ трудѣ связаны почти непосредственными отношеніями съ землею; въ крайнемъ случаѣ они могутъ обойдтись безъ сложныхъ и дорогихъ приспособленій, которыя встрѣчаются мѣстами въ хозяйствѣ помѣщиковъ. Помѣщичья усадьба лежитъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ довольно большой деревни; помѣщикъ обрабатываетъ землю дорогими плугами, пользуется конной молотилкой, ссыпаетъ свой хлѣбъ въ прочно-устроенный амбаръ. Если начались волненія крестьянъ и подвергнута разгрому усадьба, то у крестьянъ всегда будетъ одно и тоже отношеніе и къ жилому дому помѣщика, и къ его хозяйственнымъ постройкамъ, и къ орудіямъ: крестьянамъ не нуженъ домъ, гдѣ живетъ помѣщикъ со своей семьей; они легко могутъ обойдтись безъ его амбаровъ, плуговъ и молотилки; у нихъ есть сознаніе или хотя чувство, что и безъ этихъ орудій работа на землѣ можетъ идти безостановочно. Нѣтъ помѣщичьихъ построекъ и орудій—и земля помѣщика можетъ быть вспахана крестьянскими сохами, собранный хлѣбъ вымолоченъ цѣпами и зерно ссыпано въ жалкіе амбары крестьянъ.

Такія особенности орудій, примѣняемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, облегчаютъ полное уничтоженіе помѣщичьихъ усадебъ крестьянами, мѣшаютъ появленію задержекъ, которыя препятствовали бы окончательному разгрому даже тогда, когда раздраженіе толпы уже ослабѣваетъ.

Все это часто не сознается помѣщиками, но чувствуется; все это порождаетъ панику и гонитъ изъ деревень въ города не только тѣхъ землевладѣльцевъ, которые уже пострадали отъ раззоренія усадебъ, но и ихъ близкихъ и даже отдаленныхъ сосѣдей. Все это ведетъ къ мрачнымъ предсказаніямъ, которыя въ дѣйствительности часто не оправдываются размѣрами убытковъ, понесенныхъ помѣщичьими хозяйствами.

Убытки отъ разграбленія и сожженія помѣщичьихъ усадебъ не представляютъ главныхъ потерь, которыя могутъ выпасть на долю русской деревни. Насчитываютъ до полумилліона помѣщичьихъ усадебъ въ пятидесяти губерніяхъ Россіи. Допустимъ, что раззоренію подвергнется въ 5, 6 даже 10 разъ большее число помѣщиковъ, нежели до сихъ поръ: и въ такомъ случаѣ число владѣльцевъ, которые пострадаютъ, составитъ небольшое меньшинство въ общей массѣ помѣщичьихъ хозяйствъ. Разгромъ повергнетъ многихъ владѣльцевъ въ тяжелое, иногда безвыходное положеніе, но не потрясетъ до основаній сельскаго, а тѣмъ болѣе, всего народнаго хозяйства Россіи.

Грозная опасность приближается съ другой стороны. Она является въ формѣ мирной проповѣди, которая, сама по себѣ, не приглашаетъ къ раззоренію усадебъ, тѣмъ болѣе—къ насиліямъ надъ по-

мѣщиками. Таково постановленіе крестьянскаго съѣзда въ Москвѣ, чтобы съ весны 1906 года прекратить работу во всѣхъ хозяйствахъ, которыя пользуются наемнымъ трудомъ, и запахивать силами крестьянъ и въ ихъ пользу земли помѣщиковъ, оставленныя безъ обработки.

Разберемъ это постановленіе.

Въ рѣшеніи съѣзда остановить примѣненіе наемнаго труда къ сельскому хозяйству нѣтъ ничего противообщественнаго. Такъ какъ стачки, происходящія безъ насиліи надъ людьми и безъ разрушенія имущества, должны пользоваться полною свободой, то нельзя возразить противъ постановленія крестьянскаго съѣзда о забастовкѣ сельскихъ рабочихъ. Я готовъ допустить, что руководители съѣзда предполагали провести эту забастовку мирными способами—разсылкой во всѣ концы Россіи воззваній, чтобы рабочіе, занятые въ хозяйствахъ землевладѣльцевъ, прекратили съ весны работы и не служили у помѣщиковъ вплоть до того времени, когда распорядители крестьянскаго съѣзда дадутъ новое приказаніе.

Нетрудно понять, что руководило людьми, постановлявшими это рѣшеніе. Помѣщики, думали они, не будутъ въ состояніи вести хозяйство. Лишенные бодрости вслѣдствіе того, что пользованіе наемнымъ трудомъ стало невозможно, они не найдутъ въ себѣ энергіи и для защиты земель отъ захвата и запашки ихъ крестьянами. Поставленные лицомъ къ лицу съ опасностью потерять всѣ свои владѣнія и быть ввергнутыми въ нищету, они пойдутъ на всякія уступки, которыя будутъ продиктованы обостреннымъ положеніемъ дѣлъ. Дабы сохранить за собою небольшіе клочки имѣній, они будутъ готовы усту-

пить крестьянамъ большую часть земли даромъ или за самое малое вознагражденіе. Въ результатѣ—полное исчезновеніе наемнаго труда изъ русскаго сельскаго хозяйства, передача земли народу и возможность для каждаго, кто до сихъ поръ работалъ на помѣщика, устроить собственное хозяйство и воздѣлывать землю самостоятельно.—Если это исполнится согласно съ высказанными мною предположеніями, то переворотъ будетъ совершенъ мирнымъ путемъ, безъ насилія надъ личностью владѣльцевъ имѣній и безъ уничтоженія ихъ имущества. Весь процессъ, посредствомъ котораго будетъ пріостановленъ трудъ наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, выразится въ приглашеніи забастовать, обращенномъ къ рабочимъ, готовымъ легко послѣдовать этому призыву, и въ угрозахъ тѣмъ, которые будутъ колебаться и не сразу исполнятъ приказанія бюро крестьянскаго съѣзда.

Надежда на такой исходъ поддерживается и фактами, которые совершаются на нашихъ глазахъ. Изъ разныхъ концовъ Россіи приходятъ извѣстія, что помѣщики спѣшатъ уѣхать отъ погромовъ въ уѣздный городъ, губернскій или заграницу. Естественно предположить, что лѣтомъ, съ забастовкой сельскихъ рабочихъ, паника охватитъ землевладѣльцевъ еще въ бо̀льшей степени, и что они, не сопротивляясь, пойдутъ на всѣ уступки, дабы сохранить за собою хотя небольшую частицу имѣній.

II.

Мнѣ представляется будущее въ иномъ свѣтѣ; я далекъ отъ мысли, что намѣченный переворотъ со-

вершится безъ насилій. Напротивъ, я убѣжденъ, что онъ поведетъ къ ожесточенной борьбѣ.

Изъ того, какъ до сихъ поръ большинство помѣщиковъ относилось къ погрому въ своихъ имѣніяхъ, не слѣдуетъ дѣлать выводъ о будущемъ. Большинство бѣжало. Бѣгство было вызвано двумя причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что люди растерялись, аграрное движеніе быстро приняло большіе размѣры; во многихъ мѣстахъ оно смѣнило невозмутимую тишину; во-вторыхъ, у бѣжавшихъ было убѣжденіе, что, въ случаѣ даже крупныхъ убытковъ, которые могутъ быть причинены имъ сожженіемъ усадебъ, страховыя общества уплатятъ за потерю. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ волненій въ деревняхъ обѣ причины исчезнутъ. Растерянность пройдетъ; люди начнутъ обдумывать свое положеніе; они будутъ приходить къ выводу, что бѣгство изъ деревень не охранитъ ихъ интересовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ страховыя общества оповѣстятъ своихъ кліентовъ, что они, согласно съ уставами, не платятъ за убытки, которые причинены пожарами во время народныхъ волненій. Такимъ образомъ, растерянность уступитъ мѣсто обдуманности, надежда на покрытіе бо́льшей части потерь изъ капиталовъ страховыхъ обществъ — увѣренности, что не слѣдуетъ расчитывать на этотъ источникъ. Окрѣпнетъ и сознаніе, что пріостановка работъ, а тѣмъ болѣе захватъ и запашка земли крестьянами, грозитъ гораздо болѣе тяжелыми послѣдствіями, чѣмъ раззореніе усадебъ. Все это внушитъ помѣщикамъ готовность къ отпору и борьбѣ. Уже и теперь есть признаки того, что смущенность среди помѣщиковъ начинаетъ смѣняться рѣшимостью противодѣйствовать аграрному движенію. Было со-

общено изъ Саратова, что тамъ, на съѣздѣ землевладѣльцевъ участвовало больше 600 человѣкъ, которые и совѣщались о средствахъ остановить смуту. Недавно писали изъ Орла, что съѣздъ помѣщиковъ Орловской губерніи рѣшилъ организовать дружины, для защиты своихъ имѣній, и что правительство обѣщало дать 1000 винтовокъ въ распоряженіе дружинъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ Минской губерніи постановлено организовать отрядъ изъ 30 человѣкъ при каждой становой квартирѣ. Мы полагаемъ, что вся Россія покроется сѣтью такихъ организацій.

Общее число землевладѣльцевъ Европейской Россіи, кромѣ крестьянъ, достигаетъ 500.000. Допустимъ, что изъ нихъ даже 90% не примутъ никакихъ мѣръ для защиты своихъ владѣній и что только 10% не уступятъ своей собственности безъ борьбы. Если положить въ среднемъ на каждое частновладѣльческое хозяйство двухъ взрослыхъ членовъ семьи, то получимъ уже 100.000 людей, готовыхъ дать отпоръ насиліямъ, которымъ могли бы подвергнуться они сами или ихъ имущество. Этимъ далеко не исчерпываются силы, которыя находятся въ распоряженіи землевладѣльцевъ. Въ каждомъ уѣздѣ есть землевладѣльцы зажиточные и даже богатые. Въ разгаръ смуты эти люди будутъ готовы сдѣлать сбереженія на многихъ статьяхъ расходовъ, чтобы отстоять свои имѣнія отъ грозящей опасности. Они сократятъ штатъ домашней прислуги, уменьшатъ затраты на столъ, уволятъ садовниковъ, перестанутъ держать выѣздныхъ лошадей и употребятъ освободившіяся деньги на то, чтобы усилить средства защиты. Предположимъ, что каждый изъ 50.000 землевладѣльцевъ израсходуетъ на этотъ

предметъ въ среднемъ только 300 рублей: вотъ уже получается сумма, на которую въ теченіе года можно держать 50.000 вооруженныхъ людей для охраны помѣщичьяго хозяйства. Итого набралось 150.000. Но этимъ средства обороны далеко не ограничиваются. Къ помѣщикамъ, которые примутъ на себя дѣятельную роль, примкнетъ и часть крестьянъ изъ ближайшихъ деревень. Присоединившіеся будутъ привлечены къ этому обѣщаніями разныхъ льготъ и уступокъ со стороны помѣщиковъ: однимъ изъ людей, готовыхъ пойдти въ разрѣзъ съ интересами массы крестьянства, будутъ уступлены земли за ничтожную арендную плату, другимъ — подарены какіенибудь отрѣзки, клочки сѣнокосовъ и т. д. Въ разныхъ мѣстахъ совершились факты, доказывающіе, что не будетъ преувеличеніемъ опредѣлить въ 50.000 число крестьянъ, которые окажутся готовыми стать на защиту помѣщиковъ: газеты приносили извѣстія, что погромы усадебъ и порубки лѣсовъ, которые должны были быть произведены крестьянами изъ отдаленныхъ деревень, неоднократно не удавались потому, что населеніе сосѣднихъ деревень охраняло имѣніе помѣщика.

Мы насчитали уже 200.000 людей, которые станутъ охранять существующій порядокъ. Къ нимъ присоединятся и войска. Очень вѣроятно, что не меньше 50.000 солдатъ съ пулеметами будутъ направлены на подавленіе смуты въ деревнѣ. И такъ, найдется, по крайней мѣрѣ, четверть милліона людей, готовыхъ охранять землевладѣніе въ томъ видѣ, какой оно имѣетъ въ настоящее время.

Очень вѣроятно, что организація обороны вызоветъ въ деревняхъ несравненно бо̀льшее движеніе,

чѣмъ теперь. Вѣроятно, число крестьянъ, поднявшихся на борьбу, составитъ въ общемъ итогѣ полтора—два милліона и даже больше.

До сихъ поръ войска боролись съ погромами почти безуспѣшно. Когда казаки являются въ имѣніе, куда они вызваны, то обыкновенно разгромленіе и сожженіе усадьбы уже окончились; не трудно возстановить внѣшнее спокойствіе на этихъ развалинахъ. И пока отрядъ доводитъ до свѣдѣнія своего начальства, что положеніе стало менѣе тревожнымъ, разгромъ совершается въ другомъ имѣніи, въ 15—20 верстахъ отъ мѣста, гдѣ расположились солдаты для водворенія порядка. Когда усмиреніе смуты производится только войскомъ, почти безъ участія землевладѣльцевъ, то у крестьянъ, быть можетъ, безотчетно для нихъ, поддерживается чувство, что землевладѣльцы не увѣрены въ своемъ правѣ, что они не находятъ въ самихъ себѣ опоры для охраны своей недвижимости, что нужна только внѣшняя сила—солдаты—для поддержанія стараго порядка. Совмѣстныя дѣйствія военной силы и помѣщичьихъ дружинъ будутъ давать совсѣмъ иные результаты. Многочисленность дружинъ позволитъ размѣстить ихъ въ разныхъ концахъ уѣзда и покроетъ всю территорію Имперіи оборонительными отрядами, стоящими недалеко одинъ отъ другого. Присутствіе же въ отрядахъ самихъ помѣщиковъ не останется безъ вліянія на крестьянскія массы: ихъ энергія будетъ ослаблена сознаніемъ, что землевладѣльцы, начавъ дѣятельно защищать свои интересы, чувствуютъ себя въ правѣ сохранить въ собственности тѣ 100 милліоновъ десятинъ, которыя принадлежатъ нынѣ частнымъ владѣльцамъ.

Я не думаю, чтобы такое положеніе дѣлъ предотвратило борьбу; я убѣжденъ, что оно, разъ борьба начнется, сдѣлаетъ ее особенно упорной. На сторонѣ крестьянъ будетъ большой численный перевѣсъ; но онъ будетъ ослабленъ недостаткомъ вооруженія, а частью и сознаніемъ, что помѣщики энергично защищаются, чувствуютъ себя въ своемъ правѣ. На сторонѣ землевладѣльцевъ силы, численно, будутъ часто недостаточны, но это будетъ въ извѣстной степени уравновѣшиваться превосходствомъ организаціи, а также отчаянной рѣшимостью, которая, при революціонныхъ движеніяхъ, овладѣваетъ многими людьми, отстаивающими старый порядокъ.

Борьба будетъ ведена съ большимъ ожесточеніемъ. Ея исходъ, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, будетъ не одинъ и тотъ же: здѣсь побѣда останется за землевладѣльцами, тамъ—за крестьянами. Будутъ, несомнѣнно, и такіе случаи, когда враждующія стороны придутъ къ соглашенію путемъ уступокъ землевладѣльцевъ крестьянамъ. Возможно, что въ конечномъ итогѣ побѣдятъ крестьяне, но нельзя предсказывать это съ полной увѣренностью. Крестьянскія войны въ Германіи, въ началѣ XVI вѣка, ознаменовались, въ первой своей половинѣ, раззореніемъ помѣщиковъ, опустошеніемъ ихъ земель и уничтоженіемъ множества замковъ. Но рыцари, соединившись, побѣдили крестьянъ и залили возстаніе, буквально, потоками крови. Англійскій писатель Киддъ, въ своей книгѣ *Соціальная эволюція*, проводитъ мысль, что всѣ пріобрѣтенія, которыя дѣлаютъ неимущіе классы, возможны только потому, что классы господствующіе охотно идутъ на уступки. Если бы, пишетъ Киддъ, классы, имѣющіе власть, не уступали,

то о ихъ сопротивленіе разбились бы всѣ попытки бѣднѣйшихъ членовъ общества. Съ мнѣніемъ Кидда, конечно, согласиться нельзя. Его взглядъ ошибоченъ; но не слѣдуетъ впадать въ другую крайность: не слѣдуетъ думать, что господствующіе классы вовсе лишены способности къ сопротивленію и легко пойдутъ на всѣ уступки, которыхъ отъ нихъ потребуютъ, если даже эти уступки лишатъ ихъ выгоднаго общественнаго положенія и бо́льшей части имущества.

Вопросъ объ исходѣ борьбы представляется открытымъ. Болѣе вѣроятенъ такой исходъ, что въ аграрномъ строѣ не произойдетъ крупныхъ измѣненій, но крестьяне и сельскіе рабочіе получатъ небольшія уступки. Несомнѣнно одно: огромное раззореніе всей страны.

III.

Постараемся воспроизвести картину, которую будетъ представлять наше отечество къ 1-го января 1907 года, если 1906 годъ будетъ наполненъ междуусобной войной приблизительно тѣхъ размѣровъ, которые мною начертаны.

Смута въ деревнѣ поведетъ къ сокращенію сельско-хозяйственныхъ работъ. Значительная часть полей останется незасѣянною, многіе луга нескошенными, масса созрѣвшаго хлѣба неубранной. Возможно, что такіе недочеты не примутъ особенно большихъ размѣровъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; но, несомнѣнно, они скажутся на частно владѣльческихъ земляхъ, разъ будутъ повсюду сняты наемные работники. Помѣщики, лишенные возможности обрабатывать землю, предпочтутъ оставить ее совсѣмъ безъ обработки, нежели допустить захватъ и запашку

крестьянами; они охотнѣе будутъ видѣть свои луга совсѣмъ невыкошенными, нежели уступятъ ихъ безъ сопротивленія сосѣднимъ деревнямъ. Такимъ образомъ, въ общемъ сборѣ зерна и корма получится большой недочетъ; только для хлѣбовъ онъ легко составитъ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Въ ближайшемъ итогѣ пострадаютъ сельскіе рабочіе: если даже будутъ собраны милліоны для поддержанія ихъ во время забастовки (что невѣроятно), то средства изсякнутъ къ концу лѣта, и голодъ станетъ неизбѣжнымъ.

Довольно будетъ немногихъ мѣсяцевъ, чтобы недоборъ въ сельскомъ хозяйствѣ оказалъ вліяніе на другія стороны русской жизни. Помѣщики, подорванные въ своемъ благосостояніи, будутъ вынуждены уменьшить потребленіе разныхъ предметовъ. Крестьяне, пострадавшіе уже потому, что на нихъ лягутъ бременемъ сельскіе рабочіе, которые бросятъ экономіи, также должны будутъ сократить свое, и безъ того скудное потребленіе. Предположимъ, что съуженіе потребностей коснется 100 милліоновъ людей, т. е. даже не всего населенія русской деревни; предположимъ, что, въ среднемъ покупка разныхъ товаровъ сократится только 7—8 рублями на душу: и, вотъ, мы получаемъ 700—800 милл. руб. Такова сумма, на которую продукты русскихъ фабрикъ, заводовъ, рудниковъ не найдутъ себѣ сбыта. На Нижегородской ярмаркѣ, этомъ всероссійскомъ торжищѣ, кризисъ обнаружится особенно рѣзко: многія крупныя фирмы окажутся несостоятельными; многія торговыя и промышленныя заведенія должны будутъ прекратить свою дѣятельность. Если излишекъ товаровъ, которые не найдутъ сбыта, соста-

витъ 3/4 милліарда рублей, то русскія промышленныя предпріятія должны будутъ сократить производство на одну четверть: одни закроются, а другія должны будутъ уменьшить свои обороты. Все это поведетъ къ тому, что добрыхъ 500.000 рабочихъ совсѣмъ лишатся занятія, а сотни тысячъ изъ тѣхъ, которые останутся у дѣлъ, будутъ работать сокращенное число часовъ и получать уменьшенную плату.

Потери въ сельскомъ хозяйствѣ отразятся такъже на поступленіи сборовъ въ государственныя, земскія, городскія кассы. Во многихъ мѣстахъ населеніе, охваченное смутой, не захочетъ платить прямыхъ налоговъ, хотя бы могло вносить ихъ; въ другихъ случаяхъ платить будетъ не изъ чего. А сокращеніе на расходахъ уменьшитъ потребленіе вина и разныхъ товаровъ, обложенныхъ таможенными сборами. Все это причинитъ недоборъ въ сотни милліоновъ для государственныхъ, городскихъ, земскихъ кассъ.

Недоборъ сдѣлаетъ неизбѣжнымъ сокращеніе расходовъ въ хозяйствѣ государства, земствъ и городовъ. Предположено увеличить многіе государственные расходы: на содержаніе войска, на жалованье служащихъ по желѣзнымъ дорогамъ и на содержаніе разныхъ другихъ низшихъ должностныхъ лицъ. Навѣрное, обнаружится потребность сдѣлать большія затраты на исправленіе желѣзнодорожныхъ линій, мастерскихъ, станцій, телеграфовъ, поврежденныхъ во время смуты. Параллельно съ этимъ нужно будетъ уменьшить государственные расходы. Упраздненіе многихъ должностей, увольненіе многихъ тысячъ чиновниковъ и уменьшеніе жалованья тѣмъ изъ высшихъ и даже среднихъ должностныхъ лицъ, которые сохранятъ свои мѣста,—вотъ что ста-

нетъ неизбѣжнымъ. Такимъ образомъ окажутся еще десятки тысячъ полуголодныхъ семей, не имѣющихъ средствъ для покупки товаровъ, которые вошли въ ихъ обычный обиходъ; а это, въ свою очередь, уменьшитъ спросъ на продукты фабрикъ и заводовъ.

Недоборы въ городскихъ кассахъ заставятъ городскія управленія сократить издержки по тѣмъ статьямъ, которыя соотвѣтствуютъ важнымъ культурнымъ задачамъ въ предѣлахъ городовъ. Городамъ придется увеличить штатъ полиціи и оклады ея чиновъ; на ряду съ этимъ сдѣлается необходимымъ сокращеніе расходовъ на больницы, на содержаніе школъ; многія изъ нихъ, по всей вѣроятности, будутъ даже закрыты.

На земское хозяйство обѣдненіе страны ляжетъ особенно тяжелымъ бременемъ. Уже и теперь съ разныхъ концовъ Россіи приходятъ извѣстія о пустотѣ земскихъ кассъ, о неимѣніи средствъ для покрытія текущихъ расходовъ.

Черезъ годъ это выразится еще болѣе рѣзко. Такъ какъ главнымъ источникомъ земскихъ доходовъ служатъ прямые налоги, то, по всей вѣроятности, многія земства будутъ получать только ничтожную долю общей суммы поступленій. Это принудитъ ихъ уменьшить или даже совсѣмъ пріостановить самые важные расходы. Значительное число врачей будетъ уволено; выдача жалованья многимъ учителямъ прекращена; тысячи земскихъ школъ должны будутъ закрыться.

Положеніе страны, которая занимаетъ видное мѣсто на міровомъ рынкѣ, во многомъ опредѣляется ея связями съ другими народами. Закрѣпленіе связей Россіи съ Западомъ, особенно за послѣднее

15-тилѣтіе, привело къ тому, что иноземцы, главное французы, помѣстили у насъ милліарды рублей. Иностранному капиталисту, который затрачивалъ свои деньги на покупку русскихъ государственныхъ займовъ или устройство заводовъ въ Донецкомъ краѣ, Сосновицахъ и другихъ мѣстахъ, вовсе не было дѣла до того, каковъ политическій строй Россіи. Онъ относился съ одинаковымъ равнодушіемъ къ абсолютной монархіи и республикѣ; для него была важна только увѣренность, что въ странѣ господствуетъ порядокъ, который позволитъ ему безпрепятственно получать доходъ на капиталъ. Онъ боится, прежде всего, смуты. Разъ общественный порядокъ останется нарушеннымъ продолжительное время, то у иноземныхъ капиталистовъ сложится убѣжденіе, что въ Россіи нельзя помѣщать капиталъ, нельзя начинать новыя предпріятія и нужно, по возможности, даже ликвидировать старыя. Такое убѣжденіе побудитъ многихъ иностранцевъ закрыть заводы, которые, вслѣдствіе забастовокъ рабочихъ, сдѣлались мало прибыльными, и вернуть хотя бы частицу того, что было затрачено на организованіе дѣла. Одновременно будетъ развиваться и другой процессъ—выбрасываніе русскихъ государственныхъ бумагъ, которыя принадлежатъ иностранцамъ, и пониженіе ихъ цѣны до уровня, который теперь намъ кажется невозможнымъ.

Сокращеніе всѣхъ отраслей производства повліяетъ на положеніе, которое занимаетъ теперь наше отечество въ міровомъ хозяйствѣ. Общій оборотъ Россіи по внѣшней торговлѣ составляетъ, примѣрно, одинъ милліардъ триста милліоновъ рублей. Такъ какъ будетъ гораздо меньше товаровъ для вывоза,

то неизбѣжно сократится и ввозъ. Нельзя угадать, въ какихъ размѣрахъ съузится оборотъ по внѣшней торговлѣ; уменьшеніе будетъ, во всякомъ случаѣ, очень велико. Оно не останется безъ вліянія на экономическую жизнь другихъ народовъ: разныя отрасли промышленности въ странахъ, которыя работаютъ для Россіи, будутъ потрясены; нѣкоторыя предпріятія рушатся. Но чрезвычайные успѣхи производства, наблюдаемые повсюду, позволятъ вскорѣ заполнить пробѣлъ отъ ослабленнаго участія Россіи въ міровомъ обмѣнѣ. Соединенные Штаты, Южная Америка, Австралія и Остъ-Индія напрягутъ свои силы для усиленнаго вывоза въ Европу тѣхъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства, которые вывозятся теперь Россіей, а наша главная поставщица—Германія,—сумѣетъ увеличить сбытъ своихъ фабрикатовъ въ страны Новаго Свѣта и тѣмъ установить равновѣсіе въ отрасляхъ промышленности, которыя потеряютъ русскій рынокъ. Со временемъ, когда русская хозяйственная жизнь войдетъ въ русло, сколько нибудь правильное, мѣсто, занимаемое теперь Россіей на міровомъ рынкѣ, будетъ занято другими народами. Нужны будутъ продолжительныя усилія, чтобы наше отечество получило за своими предѣлами то экономическое значеніе, которое оно имѣетъ въ настоящее время.

Года два смуты, подобной тому, что мы переживаемъ, навѣрное, приведутъ къ самымъ тяжкимъ послѣдствіямъ. Нѣсколько милліоновъ голодныхъ людей будутъ бродить по странѣ, въ тщетныхъ поискахъ за заработкомъ и кускомъ хлѣба. Потерявъ всѣ устои, которыя поддерживаетъ въ человѣкѣ правильный трудъ, эти милліоны будутъ вынуждены

жить грабежомъ и всяческимъ насиліемъ. Новыя, дурныя привычки будутъ въ чрезвычайной степени мѣшать правильной хозяйственной жизни даже долго послѣ того, какъ наступитъ успокоеніе. Мы знаемъ, какое раззореніе причинила тридцатилѣтняя война Германіи. Обѣдненіе страны, ея одичаніе, отвычка людей отъ труда достигли такихъ размѣровъ, что только къ концу XVIII вѣка Германія поднялась на уровень, который занимала въ началѣ 30-тилѣтней войны: понадобилось болѣе 100 лѣтъ, дабы въ народной жизни установилось равновѣсіе, нарушенное многолѣтними междуусобіями. Не нужно склоняться къ слишкомъ мрачнымъ предсказаніямъ. Допустимъ, что всероссійская смута продлится не 30 лѣтъ, а гораздо меньше; признаемъ, что современность, вслѣдствіе развитія міроваго хозяйства, располагаетъ для обновленія экономической и общекультурной жизни безконечно большими средствами, нежели 17 и 18 столѣтія и, всетаки, нужно будетъ согласиться съ предположеніемъ, что развитіе Россіи замедлится на добрую четверть вѣка.

IV.

Что-же дѣлать?

Умиротвореніе будетъ достигнуто только кореннымъ переворотомъ въ русскомъ аграрномъ строѣ.

Этотъ строй нелѣпъ. Нельзя дать иного эпитета тому порядку, при которомъ въ странѣ, съ населеніемъ не больше 20—25 душъ на квадратную версту, съ безграничными площадями земель, удобныхъ для культуры, милліоны и милліоны людей, привыкшихъ къ сельско-хозяйственному труду, должны сидѣть на крошечномъ надѣлѣ, въ 1, даже $^1/_2$ и $^1/_4$

десятины, безъ возможности покрыть съ этого клочка скудныя потребности поселянина. Этотъ строй глубоко возмутителенъ, ибо въ странѣ съ огромнымъ запасомъ земель, лежащихъ впустѣ, съ государственнымъ бюджетомъ больше двухъ милліардовъ, милліоны и милліоны крестьянъ поставлены, при занятіи своимъ промысломъ, въ условія, которыя властно диктуютъ имъ сосѣдніе помѣщики. Десятина данной земли, при невынужденной арендѣ, могла бы принести 10 рублей дохода въ годъ; а крестьяне десятковъ губерній и сотенъ уѣздовъ поставлены въ необходимость платить за нее 20, 30 рублей и больше.

Политика переселенія и разселенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—вотъ что повелительно предписывается государству всѣмъ состояніемъ русской деревни. Какія бы средства ни были затрачены для веденія этой политики en grand, насколько бы ради такой цѣли ни возросъ и безъ того огромный русскій государственный долгъ—этотъ расходъ будетъ наиболѣе производительнымъ изъ всѣхъ, которые могутъ быть сдѣланы государствомъ.

Въ составъ этой политики входятъ переселенія и разселенія. Подъ первыми слѣдуетъ разумѣть передвиженіе крестьянъ въ мѣста, болѣе или менѣе отдаленныя отъ ихъ родины: изъ Европейской Россіи въ Сибирь, Среднюю Азію, на Кавказъ. Къ разселенію же относятся всѣ перемѣщенія людей въ предѣлахъ даннаго района: подъ это понятіе слѣдуетъ подводить, напримѣръ, такіе факты, какъ распродажа домохозяевами ихъ дворовъ въ деревнѣ Ивановкѣ и устройство ими новой осѣдлости гдѣ нибудь въ той же губерніи или даже уѣздѣ, волости.

Дѣло, конечно, не въ словахъ, а въ различіи

условій, съ которыми связаны оба процесса. Передвигаясь въ Азіатскую Россію, крестьяне находятъ обширныя пространства свободныхъ земель. Законъ о переселеніяхъ дѣйствуетъ болѣе 15 лѣтъ; въ немъ есть крупные недостатки, но онъ не лишенъ и достоинствъ; многолѣтняя практика даетъ намъ больше милліона людей, водворенныхъ въ Сибири и Средней Азіи. Если передвиженіе крестьянъ, изъ Европейской Россіи въ Азіатскую, будетъ впредь совершаться при большей поддержкѣ государства, а изслѣдованіе свободныхъ земель будетъ производиться съ тою тщательностью, которой требуетъ важность дѣла, то переселенія войдутъ въ надлежащее русло.

Иное дѣло—разселеніе. Въ густо населенныхъ губерніяхъ Европейской Россіи очень мало казенныхъ земель: на пространствахъ, свободныхъ отъ лѣса, можетъ быть создано только очень немного крестьянскихъ хозяйствъ, а потому мѣстами водворенія должны служить, во-первыхъ, земли монастырей и церквей, за исключеніемъ тѣхъ, которыя служатъ для содержанія церковнаго причта, во-вторыхъ, земли удѣла, и въ-третьихъ, — владѣнія частныхъ лицъ.

Земли удѣла были когда-то взяты изъ запаса государственныхъ земель; всѣ тѣ улучшенія хозяйства, которыя производились въ удѣльныхъ имѣніяхъ, не были связаны съ личностью владѣльца. Естественно, что вся ихъ площадь въ $7^1/_2$ милліоновъ десятинъ должна быть пріобщена къ землямъ государственнымъ; вмѣстѣ съ послѣдними она должна образовать общій земельный фондъ для всѣхъ, желающихъ приложить свой трудъ къ сельскому хозяйству.

Процессъ перехода помѣщичьихъ земель къ крестьянамъ совершается безостановочно, при помощи Крестьянскаго банка, а иногда—исключительно на средства пріобрѣтателей. Второе, доступное только для очень зажиточныхъ крестьянъ, встрѣчается очень рѣдко. Но и первое далеко недостаточно: дѣятельность Крестьянскаго банка вовсе не соотвѣтствуетъ тому, чего нужно требовать отъ широкой земельной реформы.

1) Дѣятельность банка ограничивается готовностью владѣльцевъ продавать землю; поэтому, число малоземельныхъ или безземельныхъ крестьянъ, которые могутъ быть надѣлены землею, зависитъ отъ состава владѣльцевъ данной мѣстности. Гдѣ помѣщики больше обременены долгами, гдѣ предстоитъ больше актовъ раздѣла между наслѣдниками, гдѣ чаще продаются на срубъ обширные лѣса, тамъ крестьяне легче находятъ случай купить землю. Такіе случаи чаще представляются и тамъ, гдѣ помѣщики тяготятся лично вести хозяйство или отдавать землю въ аренду, гдѣ между владѣльцами больше людей, которые не только хотятъ имѣть въ своемъ распоряженіи опредѣленный доходъ, но и получать отъ времени до времени значительный денежный капиталъ. Если преобладаютъ противоположныя условія, то умаляется возможность расширенія крестьянскихъ надѣловъ.

2) Земли, пріобрѣтаемыя крестьянами съ помощью ссудъ изъ банка, обыкновенно покупаются по ненормально высокой цѣнѣ. Не однѣ доплаты крестьянъ, скажемъ, 20% всей суммы, составляютъ такой излишекъ: обыкновенно, сама ссуда, выдаваемая Крестьянскимъ банкомъ, болѣе высока, нежели была бы продажная цѣна земли, безъ вынужденнаго

соперничества между съемщиками. Предположимъ, что помѣщикъ опредѣляетъ капитальную цѣну земли изъ 10 рублей годового дохода, соотвѣтствующаго средней арендной платѣ въ данной мѣстности: продажная цѣна составитъ въ этомъ случаѣ не меньше 200 рублей; изъ нихъ, приблизительно, 160 рублей даетъ въ ссуду Крестьянскій банкъ. На первый взглядъ кажется, что эти 160 рублей являются нормальной цѣной. Но когда мы ближе присмотримся къ огромному большинству сдѣлокъ, то увидимъ, что эта цѣна возможна только вслѣдствіе неблагопріятной обстановки крестьянскаго хозяйства. За немногими исключеніями, крестьяне арендуютъ помѣщичью землю при такихъ условіяхъ: надѣлъ земли очень малъ; на ряду съ дворами, которые пользуются извѣстной зажиточностью, огромное большинство имѣетъ такіе ничтожные клочки, что не покрываетъ изъ нихъ даже трети или четверти своихъ потребностей; переселенія на Востокъ не могли отвлечь изъ этой мѣстности значительнаго числа крестьянъ просто потому, что они не имѣли никакихъ средствъ, дабы оставить старое попелище и устроить новую жизнь за много тысячъ верстъ отъ своей родины; отсутствіе кустарныхъ, отхожихъ промысловъ, заработковъ въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ не даетъ этимъ бѣднякамъ возможности покрывать нужды и изъ этихъ источниковъ. Вотъ совокупность условій, вслѣдствіе которыхъ огромная масса сельскаго люда вынуждена арендовать земли помѣщиковъ по очень высокой цѣнѣ. Часто такая нужда ощущается не только бѣднѣйшими крестьянами, но и зажиточными, цѣлымъ населеніемъ данной деревни: если для скота нѣтъ выгона или частновладѣльче-

скія угодья врѣзываются клиньями въ крестьянскіе надѣлы, то все сельское общество готово платить сосѣду-помѣщику очень дорого, лишь бы какъ-нибудь получить въ свое распоряженіе тѣ помѣщичьи земли, безъ которыхъ совсѣмъ невозможно вести хозяйство. Устранимъ перечисленныя условія: представимъ себѣ, что почти всѣ дворы, ближайшіе къ землѣ помѣщика, отличаются зажиточностью, что тѣ, которые не имѣютъ достатка, находятъ для себя хорошій заработокъ въ кустарномъ дѣлѣ или на фабрикѣ—и за арендованіе земли будутъ платить лишь столько, чтобы въ пользу арендующаго оставалось не меньше, чѣмъ могутъ заработать наиболѣе исправные крестьяне въ сосѣднихъ экономіяхъ. Вотъ почему я и говорю, что 160 рублей, которые даетъ въ ссуду Крестьянскій банкъ, составляютъ, обыкновенно, больше, нежели стоитъ земля. Въ 10 рубляхъ дохода, которые десятина приноситъ помѣщику, навѣрное, цѣлая треть является излишкомъ надъ рентой, какъ она установилась бы въ этой мѣстности, если бы населеніе жило въ сколько-нибудь удовлетворительной обстановкѣ. При такихъ условіяхъ рента составляла бы, можетъ быть, не больше 6 рублей, а продажная цѣна — не выше 130. Вслѣдствіе же искусственно возвышеннаго дохода и сама ссуда Крестьянскаго банка значительно превосходитъ то, что можно назвать естественной продажной цѣной земли.

Аграрный вопросъ захватываетъ первостепенные интересы населенія, а потому, при его рѣшеніи, нужно быть свободнымъ отъ этихъ условій. Государство освящаетъ экспропріацію, когда общественныя пользы и нужды требуютъ изъятія имуще-

ства изъ частной собственности: проводятъ желѣзную дорогу—и выкупаютъ у владѣльца землю, по которой она пролегаетъ; сооружаютъ крѣпость, устраиваютъ портъ — и отчуждаютъ обширныя площади. Обезпеченіе нормальныхъ условій жизни десяткамъ милліоновъ крестьянъ еще болѣе важно, чѣмъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ, устройство портовъ, крѣпостей. А потому законъ долженъ санкціонировать принудительное отчужденіе земель у частныхъ владѣльцевъ.

Отчужденіе должно быть: а) возмезднымъ; б) слѣдуетъ связать его съ размѣрами владѣній.

а) Оно должно быть возмезднымъ; но было бы наивно, высказываясь за этотъ принципъ, держаться тѣхъ продажныхъ цѣнъ, по которымъ теперь крестьяне пріобрѣтаютъ землю отъ частныхъ владѣльцевъ. Напомнимъ еще разъ, что въ основаніи нынѣшнихъ сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ недвижимости лежитъ искусственно взвинченная арендная плата. Отчужденіе же должно быть совершаемо по цѣнѣ, которая соотвѣтствуетъ доходности земли при современныхъ типичныхъ условіяхъ русскаго сельскаго хозяйства. За послѣднія 10 лѣтъ въ Кіевской, Курской, Полтавской губерніяхъ крестьяне покупали землю по 200, 250, даже 300 рублей за десятину. Въ этой суммѣ, быть можетъ, только половина или нѣсколько больше должно быть признано естественной цѣной. Было бы справедливо установить для густонаселенныхъ губерній 150 рублей, какъ высшую цѣну за десятину пашней и луговъ. Только для участковъ, обладающихъ исключительнымъ плодородіемъ или же очень близкихъ отъ рынковъ сбыта, выкупная цѣна можетъ быть болѣе высока.

б) Имѣнія частныхъ владѣльцевъ представляютъ, по размѣрамъ, чрезвычайное разнообразіе. Чѣмъ болѣе обширно владѣніе, тѣмъ меньше связано хозяйство съ личностью собственника, тѣмъ больше преобладаетъ доходъ отъ сдачи земли въ аренду, тѣмъ менѣе рѣзкій переворотъ внесетъ отчужденіе въ жизнь владѣльца. При скромныхъ размѣрахъ помѣщичьяго владѣнія, на хозяйствѣ больше замѣтна печать личныхъ усилій собственника; въ этомъ случаѣ выкупъ, отрывая отъ земельной единицы значительную часть, можетъ больше затруднить владѣльца, нежели сокращеніе площади земли у крупнаго собственника. Вотъ почему было бы цѣлесообразно ввести принудительное отчужденіе только для владѣній, которыя превышаютъ 100 или даже 150 десятинъ.

в) Но и болѣе крупныя имѣнія не представляютъ чего либо однороднаго. Въ хозяйствахъ, такъ называемыхъ, среднихъ помѣщиковъ, на пространствѣ въ нѣсколько сотъ десятинъ, личный трудъ собственника нерѣдко имѣетъ большое значеніе для процвѣтанія дѣла. Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ огромнымъ имѣніямъ, въ 1000 десятинъ и больше, тѣмъ менѣе становится нуженъ владѣлецъ для успѣховъ хозяйства и тѣмъ рѣзче во всѣхъ поступленіяхъ, которыя онъ получаетъ отъ земли, выдѣляется характеръ незаслуженнаго дохода. Многія изъ такихъ владѣній получены нынѣшними собственниками отъ предковъ, которымъ они были пожалованы Елизаветою, Екатериною II, Павломъ I съ насильственнымъ прикрѣпленіемъ десятковъ тысячъ крестьянъ къ этимъ землямъ. И какъ предки вступили во владѣніе огромными территоріями безъ вся-

кихъ заслугъ общественнаго или частно-хозяйственнаго характера, такъ и потомки могутъ жить безъ всякаго личнаго труда и увеличивать свой доходъ только вслѣдствіе ухудшенія обстановки деревенскаго населенія и повышенія арендной платы безостановочно, изъ года въ годъ. Другіе владѣльцы обширныхъ имѣній пріобрѣли ихъ съ цѣлью спекуляціи. Покупая дешево тамъ, гдѣ представлялся удобный случай, они имѣли въ виду огромную прибыль, или отъ сдачи въ аренду, или отъ распродажи земли крестьянамъ мелкими участками. Не забудемъ, что только однихъ имѣній княгини Гогенлоэ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ было продано, и преимущественно спекулянтамъ, до 800,000 десятинъ. Во всей же Европейской Россіи площадь такихъ имѣній огромна. Спекуляція, во всѣхъ случаяхъ, является такимъ способомъ пріобрѣтенія имущества, который всего менѣе заслуживаетъ признанія; а изъ разныхъ видовъ спекуляціи купля-продажа земли обыкновенно связана съ душевными движеніями самаго низкаго разбора. Спекулянтъ хлѣбомъ, шерстью, дровами стремится къ наибольшей прибыли и руководствуется, конечно, голымъ личнымъ разсчетомъ; но, по крайней мѣрѣ, онъ несетъ извѣстный рискъ: на ряду съ его складомъ шерсти, дровъ, угля можетъ оказаться складъ и другого спекулянта. А потому разсчеты перваго могутъ быть разбиты. Кто скупаетъ землю, тотъ не несетъ никакого риска. Населенію окрестныхъ деревень уйдти некуда. Скупщикъ земли не имѣетъ соперника и тотчасъ же, сдавая участки въ аренду или продавая ихъ, можетъ получить высшую цѣну, которую установляетъ не свободное соперничество

съемщиковъ или покупателей, а только жалкая обстановка деревни. Такимъ образомъ, спекулянтъ землею не только руководствуется алчностью и жаждою наживы безъ труда, но, въ отличіе отъ другихъ спекулянтовъ, и не рискуетъ. Вотъ соображенія, въ силу которыхъ, упорядочивая принудительный выкупъ земли, нужно провести рѣзкую границу между средними владѣніями и крупными.

Есть еще основаніе, которое дѣлаетъ такую границу необходимой. Всѣ обязанности гражданина относительно государства должны быть построены на началѣ прогрессивности. Не слѣдуетъ ограничивать примѣненіе этого начала только налогами: оно справедливо во всѣхъ случаяхъ, когда обязанность гражданина допускаетъ хозяйственную оцѣнку. Чѣмъ крупнѣе имущество и доходъ лица, тѣмъ большая ихъ доля обязана своимъ происхожденіемъ самому существованію государства. Наслѣдственное право помѣщаетъ человѣка въ опредѣленную общественную группу: что гражданинъ получилъ посредствомъ наслѣдованія, тѣмъ обязанъ онъ государству, поддерживающему этотъ порядокъ. Даже тамъ, гдѣ крупное имущество пріобрѣтено дѣятельностью самого владѣльца, постепенно восходящаго по экономической лѣстницѣ, главнымъ условіемъ для пріобрѣтенія является государственный бытъ. Земля можетъ находиться въ интензивной обработкѣ и давать высокій доходъ только при густомъ населеніи, усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія, обширныхъ рынкахъ сбыта, а все это предполагаетъ развитую государственную жизнь. Промышленное заведеніе можетъ достигнуть большихъ размѣровъ только тамъ, гдѣ окрѣпла довольно высокая гра-

жданственность. Даже крупные доходы отъ разныхъ отраслей личнаго труда — механиковъ, инженеровъ, врачей, адвокатовъ, литераторовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ — въ большей степени обязаны своимъ происхожденіемъ имущественнымъ различіямъ между классами, распредѣленію общественнаго дохода, т. е. положительному праву, нежели дарованіямъ лицъ, которыя получаютъ ихъ. Внѣ государственнаго быта люди самыхъ выдающихся талантовъ принуждены почти столь же скудно удовлетворять свои потребности, какъ и малоспособные. Наоборотъ, граждане, пользующіеся незначительными долями народнаго дохода, получаютъ ихъ при гораздо меньшемъ участіи въ выгодахъ развитаго общественнаго быта; эти люди гораздо ближе къ тому состоянію, котораго они могли бы достигнуть и безъ государства. А потому, чѣмъ богаче гражданинъ, тѣмъ болѣе обязанъ онъ выгодами своего общественнаго положенія тому строю, который слагается подъ вліяніемъ государства. Разъ для гражданина возникаетъ обязанность дѣлать государству имущественныя уступки, то въ основѣ ихъ долженъ лежать принципъ прогрессивности.

Естественная цѣна, по которой должны быть выкупаемы земли у частныхъ владѣльцевъ, примѣняется въ силу установленнаго принципа только къ имѣніямъ среднихъ размѣровъ. Разъ имѣніе превосходитъ эту норму, достигаетъ, скажемъ для примѣра, 700, 800, 1.000 десятинъ, то выкупная цѣна должна прогрессивно понижаться: чѣмъ болѣе велико владѣніе, тѣмъ, относительно, цѣна должна быть ниже. Если, напримѣръ, у владѣльца 400 десятинъ земля выкуплена по 150 рублей за десятину,

то, при имѣніи въ 1.200 десятинъ, совершенно такого же качества, какъ первое, цѣна должна быть не выше 130 рублей, а для имѣнія въ 2.000 десятинъ, однороднаго съ первымъ и вторымъ, — быть можетъ, не выше 100 рублей за десятину и т. д. Прогрессивное пониженіе цѣны должно идти безостановочно, пока она не упадетъ до нуля.

Размѣры отчуждаемыхъ имѣній, возрастая, достигаютъ, наконецъ, предѣловъ цѣлыхъ княжествъ. Владѣнія отдѣльныхъ лицъ во много тысячъ десятинъ являются крайнимъ абсурдомъ съ любой точки зрѣнія. Они экономически нелѣпы, ибо нѣтъ такой системы хозяйства, для наилучшаго веденія которой было бы нужно, напримѣръ, 20.000 десятинъ. Они нелѣпы и въ смыслѣ обще-культурномъ, ибо захватываютъ такую площадь, гдѣ могло бы сложиться много благоустроенныхъ среднихъ и мелкихъ хозяйствъ, дающихъ сотнямъ людей доступъ ко всѣмъ пріобрѣтеніямъ культурной жизни. Эти обширныя владѣнія—разсадники паразитовъ, тѣмъ болѣе вредныхъ, что ихъ паразитизмъ опирается на прочную монополію, которая переживаетъ всѣ кризисы хозяйственные и политическіе и съ каждымъ годомъ служитъ источникомъ все бо́льшихъ доходовъ.

Такимъ образомъ, разъ частное владѣніе очень велико, то его площадь, превосходящая извѣстную норму, напримѣръ, 5.000 десятинъ, должна отойдти государству безвозмездно, какъ земли монастырей и удѣла.

Все, что было сказано, относится до земель сельскохозяйственнаго назначенія: пашенъ, луговъ, выгоновъ. Тотъ же принципъ примѣнимъ и къ лѣсамъ. Если данный участокъ лѣса подлежитъ вырубкѣ, и

земля подъ нимъ предназначена для обращенія въ сельскохозяйственныя угодья, то она, вмѣстѣ съ лѣсомъ, выкупается по естественной цѣнѣ. При этомъ земля оцѣнивается по своему качеству, примѣнительно къ цѣнамъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, но дешевле сельскохозяйственныхъ угодій, такъ какъ еще требуетъ большихъ затратъ для обращенія въ пашни и луга. Лѣса выкупаются по особой таксѣ. Не слѣдуетъ забывать, что цѣны, платимыя теперь за лѣса, также отличаются монопольнымъ характеромъ. Сосредоточеніе лѣсныхъ площадей въ собственности, сравнительно, немногихъ владѣльцевъ ведетъ къ тому, что возростанію цѣнъ на дрова и лѣсные матеріалы почти нѣтъ предѣловъ. Возвышенію ихъ цѣнъ способствуетъ и то, что мало распространено пользованіе другими матеріалами для построекъ и отопленія. Можно сказать безошибочно, что, не будь этихъ условій, цѣна лѣса была бы, по крайней мѣрѣ, на половину ниже, чѣмъ теперь.

Если же отчуждаемый лѣсъ долженъ быть сохраненъ для непрерывнаго пользованія его запасами, то земля, находящаяся подъ нимъ, имѣетъ уже второстепенное значеніе. Тогда слѣдуетъ, при выкупѣ, оцѣнивать одинъ лѣсъ, безъ земли, и уплачивать владѣльцу примѣнительно къ тѣмъ началамъ, которыя установлены для сельскохозяйственныхъ угодій. И здѣсь выкупъ долженъ быть совершаемъ по цѣнѣ, прогрессивно-понижающейся съ увеличеніемъ площади лѣсовъ. А по достиженіи лѣсными имѣніями очень большихъ размѣровъ, все то, что превосходитъ извѣстную норму, должно поступить государству безвозмездно.

Крупный общественный переворотъ не долженъ

быть совершенъ по одному общему шаблону; необходимость дифференціаціи вызывается сложностью современной общественной жизни. Расчлененіе необходимо и при рѣшеніи аграрнаго вопроса. Оно выразится въ отступленіяхъ отъ среднихъ оцѣнокъ. При средней цѣнѣ земли опредѣленнаго качества для даннаго уѣзда, придется повышать оцѣнки въ разныхъ мѣстахъ и разныхъ пропорціяхъ, если земля близко подходитъ къ городу, населенному мѣстечку, большому торговому селу, станціи желѣзной дороги. Но и помимо этого будутъ неизбѣжны разныя отклоненія отъ общихъ положеній о выкупѣ. Такъ, напримѣръ, мѣстами есть имѣнія, далеко превосходящія 150 десятинъ, гдѣ помѣщикъ ведетъ усовершенствованное хозяйство и оказываетъ полезное вліяніе на цѣлую округу. Личный починъ, энергія, исключительное трудолюбіе всегда заслуживаютъ признанія, а потому значительныя льготы такимъ людямъ могутъ быть вполнѣ оправданы: въ однихъ случаяхъ можетъ быть умѣстно уплатить за отчужденіе такой земли выше средней цѣны для данной мѣстности; въ другихъ—будетъ цѣлесообразно оставленіе за владѣльцемъ большей площади, нежели за сосѣдями при одинаковыхъ размѣрахъ имѣнія, если сосѣди ведутъ хозяйство, которое нельзя признать образцовымъ, особенно поучительнымъ для окрестнаго населенія. Могутъ встрѣтиться и иные случаи, когда будетъ цѣлесообразно отклониться отъ среднихъ нормъ, установленныхъ для выкупа. Во многихъ имѣніяхъ есть заводы: сахароваренные, винокуренные, крахмальные и другіе. Очень часто матеріалъ для нихъ доставляется сосѣдними крестьянами, и необходимымъ дополненіемъ завода является только

небольшая часть имѣнія. Бываетъ, однако, и такъ, что матеріалъ, перерабатываемый заводомъ—свекловица, картофель—воздѣлывается въ предѣлахъ имѣнія. Иной разъ для этой цѣли нужна площадь, далеко превосходящая 150 десятинъ. Такъ какъ въ подобномъ случаѣ центромъ имѣнія является заводъ, а земля, въ которой онъ нуждается, имѣетъ служебное значеніе, то будетъ цѣлесообразно оставить владѣльцу всю ту площадь, которая снабжаетъ его матеріаломъ.

V.

На какія же средства долженъ быть совершенъ выкупъ частновладѣльческихъ земель?

Слѣдуетъ покрывать расходы равными долями изъ средства крестьянъ и изъ средствъ всѣхъ имущихъ классовъ, не владѣющихъ землею. Крестьяне будутъ участвовать въ этомъ выкупѣ, взнося выкупные платежи; они будутъ покрывать половину процентовъ и погашенія, предстоящихъ къ уплатѣ за землю помѣщиковъ. Для привлеченія имущихъ классовъ къ этому расходу, необходимо прогрессивное обложеніе всѣхъ видовъ дохода, превышающаго извѣстную норму, напримѣръ, 1.000 или 1.500 рублей. Въ дальнѣйшемъ развитіи русскаго государственнаго хозяйства прямые налоги на прогрессивномъ началѣ будутъ занимать все болѣе видное мѣсто. Необходимо, чтобы часть суммъ, получаемыхъ отъ этихъ налоговъ, была предназначена на расходы, связанные съ выкупомъ частновладѣльческихъ земель. Разъ налогъ на большіе доходы отъ городской недвижимости, денежныхъ капиталовъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятій будетъ достигать высокаго оклада, то у

помѣщиковъ, которыхъ коснется выкупъ, будетъ сознаніе, что среди имущихъ классовъ не одни они принесли значительныя жертвы, что къ жертвамъ привлечены и всѣ состоятельные русскіе люди во имя улучшенія быта крестьянъ. А возложеніе выкупа равными долями на крестьянъ и имущіе классы сдѣлаетъ это бремя для населенія деревень совсѣмъ незамѣтнымъ сравнительно съ тѣмъ, что теперь ложится на земледѣльцевъ при покупкахъ съ помощью Крестьянскаго банка.

Собственникомъ земель, отчуждаемыхъ для надѣленія крестьянъ, у монастырей, удѣльнаго вѣдомства, частныхъ владѣльцевъ должно быть государство. Пусть земледѣльцы, которые водворятся на данной площади, устроиваютъ на ней хозяйство, согласно съ началами мірского или подворнаго владѣнія. При безсрочномъ держаніи, какъ то примѣняется къ казеннымъ землямъ, куда двигаются переселенцы, всѣ интересы крестьянскаго хозяйства будутъ обезпечены въ полной мѣрѣ. Оставленіе же права собственности за государствомъ позволитъ ему легко распорядиться этими землями, когда представится надобность измѣнить ихъ назначеніе.

VI.

Постараемся выяснить, съ какими пожертвованіями для имущихъ классовъ будетъ связано такое рѣшеніе аграрнаго вопроса.

Жертвы землевладѣльцевъ могутъ быть опредѣлены довольно точно на основаніи представленнаго плана выкупа. Переворотъ коснется также тѣхъ, которые имѣютъ закладные листы и акціи земельныхъ банковъ. На закладныхъ листахъ и свидѣтельствахъ

Дворянскаго банка выкупъ частновладѣльческихъ земель не отразится вовсе, такъ какъ цѣна, по которой будутъ выкуплены земли, далеко превзойдетъ стоимость обязательствъ обоихъ разрядовъ. Но акціи земельныхъ банковъ, несомнѣнно, подешевѣютъ: уже нельзя будетъ выдавать по нимъ дивидендъ въ 15—20% ихъ нарицательной цѣны. Эта потеря ляжетъ почти исключительно на состоятельные классы: люди съ маленькими сбереженіями предпочитаютъ процентныя бумаги съ постоянною доходностью или же такія акціи, которыя чаще и легче обращаются на биржѣ, нежели акціи земельныхъ банковъ. А потому, пониженіе цѣны послѣднихъ упадетъ также на имущіе классы.

Сокращеніе покупательныхъ средствъ многихъ состоятельныхъ людей уменьшитъ ихъ затраты на разные предметы потребленія, которые нельзя отнести къ необходимымъ. Однимъ семействамъ придется, вмѣсто четырехъ выѣздныхъ лошадей, держать только двухъ или совсѣмъ отказаться отъ собственнаго экипажа; другіе будутъ вынуждены, вмѣсто 5.000 рублей, платить за квартиру только 3.000. Инымъ нужно будетъ воспитывать дѣтей уже не въ Александровскомъ лицеѣ и Смольномъ институтѣ, а въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Многія семьи средняго достатка замѣнятъ шелковое платье шерстянымъ, будутъ держать, вмѣсто двухъ прислугъ, одну и нанимать дачу потѣснѣе, нежели то было раньше. Въ итогѣ, всѣ такія сокращенія, вліяя на отдѣльныя отрасли труда, вовсе не затронутъ главныхъ вѣтвей народнаго хозяйства и не потрясутъ экономическаго быта Россіи.

Несомнѣнно, многія лица, вынужденныя принести

такія жертвы, найдутъ ихъ тяжелыми и не легко примирятся съ ухудшеніемъ матеріальныхъ условій жизни. Постепенно привыкнувъ къ своему новому положенію, они станутъ находить, что можно обойдтись безъ многихъ предметовъ, которые теперь считаютъ очень нужными. Такое утѣшеніе будетъ удѣломъ даже тѣхъ, которые лишь съ негодованіемъ согласятся на серьезныя жертвы. Тѣмъ же, кто способенъ вдумываться въ окружающее, вовсе не придется чувствовать себя несчастными. Они поймутъ или хотя безотчетно почувствуютъ, что революціонное движеніе требуетъ большихъ жертвъ. Они поймутъ, что бунты, мятежи, частичныя возмущенія—одно, а революція — совсѣмъ другое. Первые вызываются негодованіемъ противъ отдѣльныхъ лицъ — помѣщиковъ, заводчиковъ, исправниковъ, земскихъ начальниковъ, губернаторовъ; первые направлены на то, чтобы замѣнить однихъ лицъ другими, которыя, быть можетъ, будутъ дѣйствовать не лучше или немногимъ лучше первыхъ. А въ революціонномъ движеніи выражается недовольство милліоновъ и милліоновъ людей; оно направляется не только противъ отдѣльныхъ лицъ, не только противъ общаго положенія дѣлъ, но противъ основъ, на которыхъ покоится государственная, хозяйственная и общекультурная жизнь народа. Революціонное движеніе, если оно охватило всю страну, приводитъ, хотя бы послѣ тяжкихъ испытаній, къ полному обновленію быта и приближаетъ людей къ высокимъ идеаламъ частной и общественной жизни. А потому для гражданина благороднаго образа мыслей естественно проклинать мятежъ, вызванный глупостью или насильничествомъ губернатора и лишившій его даже не-

большой части имущества; и тотъ же гражданинъ можетъ спокойно и безстрастно принести жертвы, которыхъ требуетъ революція. При этомъ ему доставляетъ высокую отраду сознаніе, что, принося жертву именно въ такое время, онъ тѣсно связываетъ себя съ движеніемъ народа впередъ и даетъ самое яркое и прекрасное выраженіе своей личности.

Укажемъ на выгоды, которыя достанутся русской деревнѣ при такомъ рѣшеніи земельнаго вопроса.

Возьмемъ за отправную точку крестьянъ, которые арендуютъ пахотную и сѣнокосную землю по 25 рублей за десятину. Предположимъ, что земли этого рода будутъ выкуплены по высшей цѣнѣ, т. е. по 150 рублей за десятину. Такой разсчетъ съ частными владѣльцами потребуетъ на проценты и погашеніе 8 рублей съ десятины въ годъ. Согласно съ предложеннымъ планомъ, эти платежи должны быть распредѣлены поравну между крестьянами и имущими классами: значитъ, на первыхъ ляжетъ только 4 рубля. Получивъ эти земли, государство будетъ сдавать ихъ въ аренду за цѣну, оставляющую не меньше 4% на сумму выкупа; слѣдовательно, арендная плата за десятину, выкупленную по 150 рублей, составитъ 6 рублей. Быть можетъ, съ десятины придется взимать еще налогъ въ размѣрѣ 50 копѣекъ. Итого, вмѣсто 25 рублей, платимыхъ крестьяниномъ за такую землю въ настоящее время, онъ будетъ уплачивать не больше 10 рублей 50 копѣекъ, т. е. меньше половины. Если каждый крестьянскій дворъ будетъ арендовать только 3 десятины, то получимъ для него выигрышъ не меньше 40 рублей въ годъ. Сельско-хозяйственныя угодья, нанимаемыя крестьянами у землевладѣльцевъ, достигаютъ 50 мил-

ліоновъ десятинъ; допуская, что среднее сокращеніе платежей составитъ только 5 рублей на десятину, мы имѣемъ для крестьянъ Европейской Россіи сбереженіе въ размѣрѣ 250 милліоновъ рублей.

Выкупъ частно-владѣльческихъ лѣсовъ, примѣрно за половину ихъ рыночной цѣны, позволитъ крестьянамъ имѣть строительный матеріалъ и топливо на половину дешевле, чѣмъ теперь. Если на этомъ расходѣ средній крестьянскій дворъ сбережетъ только 5 рублей въ годъ, то общая сумма сбереженій для Европейской Россіи составитъ не меньше 50 милліоновъ. Итого мы получаемъ уменьшеніе расходовъ крестьянскаго хозяйства на 300 милліоновъ рублей въ годъ.

Таковы цифры, если вся земля и всѣ лѣса будутъ выкуплены у частныхъ владѣльцевъ по высшей естественной цѣнѣ. Вслѣдствіе же начала прогрессивности, которое положено въ основаніе выкупа, многія земли перейдутъ государству дешевле высшей естественной цѣны. Арендная плата будетъ одна и та же для всѣхъ участковъ, которые находятся въ одинаковыхъ условіяхъ: а потому государство получитъ $4^0/_0$ чистаго дохода на общую выкупную сумму, если даже арендная плата будетъ значительно ниже того, что соотвѣтствуетъ капиталу, уплаченному за имѣнія и лѣса, которые куплены по высшей естественной цѣнѣ. Возможно, что, при высшей цѣнѣ въ 150 рублей за десятину, арендная плата для земель этого качества будетъ установлена не въ 6, а только въ 5 рублей или $4^1/_2$. Это увеличитъ сбереженія крестьянскихъ хозяйствъ сравнительно съ нашими вычисленіями.

Сотни милліоновъ, оставшіяся у населенія деревни, позволятъ ему расширить потребленіе нап-

болѣе распространенныхъ предметовъ: мяса, чаю, сахару, желѣза, топлива, ситца и т. д. Это поведетъ къ развитію главныхъ отраслей русской промышленности. Внутренній рынокъ расширится для русскихъ производителей въ большей степени, нежели съузится сбытъ отъ того, что многіе члены имущихъ классовъ будутъ вынуждены сократить свое потребленіе.

Только при этихъ условіяхъ и станетъ возможенъ переходъ крестьянъ къ интензивнымъ системамъ сельскаго хозяйства. До сихъ поръ, кромѣ единичныхъ случаевъ перехода, всѣ такіе планы ограничивались областью пріятныхъ разговоровъ. Бѣдность крестьянъ дѣлала интензификацію невыполнимою, ибо она требуетъ денежныхъ затратъ, по крайней мѣрѣ, въ полторы—двѣ сотни рублей на каждое мелкое хозяйство. А бѣдность земствъ исключала возможность покрытія всей страны сельско-хозяйственными станціями и другими вспомогательными учрежденіями, которыя пріобщали бы милліоны людей къ техническому знанію и повсюду создавали бы образцы раціональнаго крестьянскаго хозяйства. Съ поднятіемъ благосостоянія деревни эти преграды будутъ устранены; понадобится немного лѣтъ, дабы крестьяне усвоили новые пріемы труда и подняли его производительность.

Можно предположить, что такой переворотъ укрѣпитъ въ населеніи любовь къ частной собственности и поведетъ къ созданію класса мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ то находимъ на Западѣ. Я не раздѣляю этого мнѣнія. На земляхъ, арендуемыхъ у государства, крестьяне будутъ вести хозяйство единолично, какъ въ настоящее время на земляхъ общинъ. Но постепенно они придутъ къ сознанію по-

лезности артельнаго труда. Можно сказать много на тему о томъ, что русская община замедляетъ успѣхи земледѣлія. Но, несомнѣнно, она сохраняетъ въ своихъ членахъ артельный духъ. На Западѣ община рушилась уже давно, 400—500 лѣтъ тому назадъ и больше. Она держалась тамъ въ періодъ рѣдкаго населенія, непроѣздныхъ путей, ремесла, рѣзкихъ сословныхъ различій, при низкомъ умственномъ развитіи народныхъ массъ. Русскій же крестьянинъ-общинникъ работаетъ на исполинскомъ машино-строительномъ заводѣ, за механическимъ ткацкимъ станкомъ, строитъ желѣзную дорогу; вокругъ крестьянъ-общинниковъ совершается движеніе во имя высокихъ идеаловъ общественной жизни. Когда слагались мелкія хозяйства на Западѣ, самостоятельность маленькаго человѣка въ его экономическомъ быту была высшею цѣлью, которую могли ставить себѣ милліоны подневольныхъ людей. Теперь же, когда чаянія соціализма начинаютъ проникать и въ глубь народа, цѣль, превознесенная далекой старинной—мелкое хозяйство крестьянъ,—является уже отголоскомъ прошлаго.

Повторяю, артельный духъ, сохраненный общиной, облегчитъ переходъ крестьянъ къ артельному производству. Будутъ теченія, направленныя къ тому, чтобы образовать среди крестьянства слой мелкой буржуазіи. Но можно развить противное теченіе, гораздо болѣе могущественное. Для этого необходимы два условія. Во-первыхъ, дешевый государственный кредитъ для всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, которые не могутъ упрочиться собственными силами, не могутъ обзавестись постройками, скотомъ, земледѣльческими орудіями, всѣмъ, что нужно

для правильнаго веденія хозяйства. Эта мѣра позволитъ многимъ не служить по найму, а заниматься самостоятельнымъ трудомъ. Во-вторыхъ, необходимо всестороннее соціалистическое воспитаніе. Одна изъ составныхъ частей этого воспитанія—обученіе тому, насколько крупное производство выгоднѣе мелкаго, насколько объединеніе крестьянскихъ хозяйствъ въ довольно крупныя единицы, обнимающія 7—8—10 дворовъ, способно увеличить доходъ и поднять благосостояніе каждаго участника. Разъ мы вѣримъ въ возможность благотворнаго вліянія народной школы, разъ мы знаемъ, что литература, проводимая въ народъ, не остается безъ вліянія на образъ мыслей и даже поступки читателей, то нѣтъ основанія предполагать, что призывъ къ артельному труду, сопровождаемый безчисленными доказательствами его полезности, не будетъ услышанъ многими милліонами. Такой призывъ тѣмъ болѣе найдетъ множество послѣдователей, что крестьяне будутъ работать не на собственной землѣ, а на государственной, что самое отношеніе ихъ къ землѣ не будетъ укрѣплять любовь къ частной собственности.

Этотъ переворотъ будетъ демократизаціей земледѣльческаго промысла; она приблизитъ Россію къ соціалистическому строю.

Была бы ребяческою мечтою надежда, что преобразованіе, которое затрогиваетъ чуть не сотню милліоновъ людей и вліяетъ на всѣ стороны общественнаго быта, можетъ быть выполнено наскоро, въ разгаръ ожесточенной борьбы заинтересованныхъ группъ. Только законодательное собраніе, обнявъ всю совокупность условій, которыхъ касается такой переворотъ, спо-

собно совершить его планомѣрно, соотвѣтственно съ величіемъ задачи.

Желательно, чтобы законодательное собраніе поставило этотъ вопросъ на первую очередь, немедленно приступило къ его разработкѣ. А тѣмъ временемъ землевладѣльцы могутъ смягчить аграрныя волненія. Пусть они собираются вмѣстѣ съ крестьянами своихъ уѣздовъ; пусть объясняютъ, что готовы уступить народу землю на условіяхъ, которыя поднимутъ крестьянское хозяйство; пусть они выражаютъ твердое намѣреніе усердно работать на мѣстахъ, для содѣйствія законодательному собранію въ приведеніи дѣла къ скорѣйшему концу. Сближеніе на такой почвѣ не можетъ остаться безъ результатовъ: волненія затихнутъ. А тамъ, гдѣ населеніе пострадало отъ неурожая, голодаетъ и уже по этой причинѣ не охотно слушаетъ обѣщаній, если даже они заслуживаютъ довѣрія, землевладѣльцы должны напрягать всѣ силы и приносить матеріальныя жертвы, дабы устранять голодъ и тѣмъ смягчать возбужденіе деревни.

